Борьба Иви

Автор:
Холли Вебб

Борьба Иви

Холли Вебб

Холли Вебб. Вдохновляющие книги #4

Иви готовится пойти в школу! Это очень волнующе, ведь раньше Иви учила гувернантка, потому что в начале двадцатого века так было принято в уважаемых семьях. Но что ждёт Иви дальше? Сможет ли она завести подруг? Как приживётся в школе?

Только оказывается, что поводов для волнений в жизни предостаточно. Иви взрослеет, а взрослеть – это так трудно! Иногда даже кажется, что каждый день – борьба…

Холли Вебб

Борьба Иви

Моим родителям, чьи рассказы о нашей семье я позаимствовала для этой книги. Переделанные, изменённые до неузнаваемости, эти истории – здесь

Holly Webb

EVIE’S WAR

Text © Holly Webb, 2018

The original edition is published and licensed by Scholastic Children’s Books, a division of Scholastic Limited

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Входная дверь глухо захлопнулась за спиной. Иви подавила тяжёлый вздох. Как хорошо было на улице, на свежем воздухе! Из церкви они шли пешком, и морской ветер на время развеял весь ужас произошедшего. Но в доме воздух был душным и пыльным, плотным и спёртым. Казалось, что даже сад вокруг дома погрузился в печаль. Они пришли сами, родители поехали в экипаже вдвоём, мама совсем обессилела от горя, и папа отправил девчонок домой под присмотром Дэвида.

– Что нам делать? – спросила Китти слабым, тоненьким голоском. Под траурной чёрной вуалью её крошечное бледное личико казалось измученным. Даже её голубые глаза сделались тускло-серыми, а светлые волосы будто поблёкли и стали почти бесцветными. Иви подумала, что она сама выглядит точно так же – но у неё ещё и красный нос, потому что на кладбище она плакала, а Китти нет. Китти просто стояла, глядя на гроб, который казался гораздо меньше Александра. Может быть, потому, что при жизни Алекс был шумным, безудержным, любопытным, и всё время казалось, что его слишком много – а теперь его вдруг не стало.

– Что нам делать? – снова спросила Китти. – Мама уже дома?

Иви посмотрела на старшего брата. Дэвид же почти взрослый, ему пятнадцать, и о должен за ними присматривать. Он должен знать, что делать. Но он казался таким же растерянным, как и они, и постоянно озирался по сторонам, словно ждал и надеялся, что сейчас кто-то придёт и объяснит, что происходит. В конце концов он уселся на низенькую скамеечку рядом с вешалкой и невесело рассмеялся:

– Я вдруг подумал, что если бы Алекс увидел вас в этих нарядах, – он кивнул на сестёр, одетых в чёрное с головы до ног, с плотными чёрными вуалями на шляпках, – он бы сказал, что вы похожи на парочку чёрных жуков. – Дэвид шмыгнул носом.

– Или на глупых летучих мышей. – Китти подняла руки и взмахнула, как крыльями, большой пелериной на чёрном пальто, которое сшила для неё папина знакомая портниха.

Иви хихикнула и тут же испуганно зажала рот ладошкой. Их младший брат умер. Сейчас не время для смеха. Но они с Китти уже больше недели ходили печальные и молчаливые и вели себя как примерные девочки, и всё это время смех копился внутри, раздувался, как готовый лопнуть воздушный шар. В церкви она случайно услышала разговор двух старушек, обсуждавших их с Китти – дескать, они словно два маленьких ангела, такие хорошенькие и воспитанные, – и ей было приятно, что её похвалили. Она ещё ниже склонила голову – и тут же, поймав себя на самолюбовании, покраснела от стыда. Хорошо, что на шляпке была вуаль, скрывающая её лицо. Ей действительно стало стыдно за себя. Хотя по всем ощущениям происходящее и вправду казалось спектаклем. Или игрой вроде шарад. Трудно было держать в голове, что всё это по-настоящему. На самом деле. Всё случилось как-то уж слишком быстро, и с тех пор как Алекс заболел, Иви жила словно во сне. Ей приходилось бежать, чтобы не отставать от настоящего, а теперь время как будто умчалось вперёд, и его уже не догнать.

Подавив неуместный смех, Иви сняла свои чёрные перчатки и убрала их в карман. Наверное, надо подняться наверх. Не стоять же в прихожей весь день! Она вдруг поняла, что ждёт, когда мисс Дженнингс выйдет к ним, велит немедленно переобуться в домашние туфли, снять шляпки и эти странные пальто с крыльями летучих мышей и идти заниматься чем-нибудь полезным: продолжить вышивать или выучить ещё десяток французских слов. Иви всё

время забывала, что мисс Дженнингс больше у них не работает. Мама её уволила.

Иви считала, что мама не права, обвиняя во всём мисс Дженнингс. Алекс сам полез на мокрые камни на пляже у залива Солтвик и промочил ноги. Мисс Дженнингс запретила ему подходить к воде, но он никогда никого не слушался. И гувернантка отвернулась всего на полминутки, когда Китти крикнула, что на берег вынесло медузу. Они сразу помчались домой, и мисс Дженнингс заставила Алекса переодеться в сухое. К тому же была первая неделя июля – совсем-совсем лето, – и уже почти месяц стояла жара. Буквально за неделю до случая с Алексом папа водил их на море купаться, и мама говорила, что это очень хорошо для здоровья. Иви не понимала, почему морские купания полезны, а промокшие ноги вредны?

Значит, Алекс простудился вовсе не по вине гувернантки. Он несколько дней сильно кашлял, а потом так ослабел, что не смог встать с постели. Он умер через три дня, от «скоротечной пневмонии». Горничные говорили, что он докашлялся до смерти – Иви случайно подслушала разговор Сары и Лиззи, когда они повязывали траурные ленты на дверной молоток.

В тот же день мама уволила мисс Дженнингс, и девочки видели, как та молча спускалась по лестнице, прижимая к глазам шёлковый носовой платок. Этот платок Китти ей подарила на Рождество и сама вышила в уголке инициалы «МД», потому что они с Иви не знали имени мисс Дженнингс, а вышить одну букву «Д» было бы странно. Она даже не попрощалась со своими воспитанницами – только прошептала что-то неразборчивое и ушла к себе в комнату. А ещё через час девочки наблюдали в окно, как их уже бывшая гувернантка идёт по улице со своим потёртым маленьким чемоданчиком – вниз по Сент-Хильдас-Террас в направлении железнодорожной станции.

Иви очень переживала за мисс Дженнингс. Она была лучшей из всех гувернанток, служивших в их доме, – и что с ней теперь? Вряд ли ей удалось сразу найти себе новое место. Может быть, прямо в эти минуты она сидит за столом в каком-нибудь жутком гостиничном номере и пишет ответы на объявления в газете своим аккуратным красивым почерком.

Иногда Иви представляла себе, что мисс Дженнингс и Алекс сейчас где-то вместе, и гувернантка вечно бегает следом за ним и велит оставить в покое бродячего пса и прекратить водить палкой по стойкам перил, потому что так

делают только невоспитанные уличные мальчишки.

– Пойдём наверх, – сказала она Китти. – Мама с папой скоро вернутся.

Хотя их родители поехали из церкви в конном экипаже, дорога для транспорта шла в объезд, и пешком напрямик получалось быстрее. На обратном пути девочки с Дэвидом ненадолго задержались на мосту через портовую акваторию: просто стояли и молча смотрели на море. Иви с тоской поглядывала на маяк на краю гавани. Отсюда до пляжа рукой подать. Мисс Дженнингс водила их на прогулки по пляжу почти каждый день, даже при сильном ветре. Но оставшись без гувернантки, Иви с Китти практически не выходили из дома. Они не привыкли гулять без присмотра кого-то из взрослых, хотя родители не говорили, что это запрещено. Сёстры целыми днями сидели в игровой комнате, которую раньше делили с Алексом.

Здесь хранились почти все их игрушки: кукольный домик, старые куклы и одежда для кукол. И, конечно, игрушки Алекса. В тот день, когда Алекс промочил ноги на пляже у залива Солтвик, он играл в свою железную дорогу, и она так и осталась разложенной на полу. Раньше сёстры всегда возмущались, что Алекс не убирает за собой игрушки, но теперь никто не собирался убирать его железную дорогу. Даже горничные старались не задевать рельсы, когда подметали пол в игровой, и игрушечные вагончики уже успели покрыться тонким слоем пыли.

Осторожно переступив через рельсы, Китти уселась прямо на полу посреди железнодорожного круга. Она вынула из кармана носовой платок, обшитый по краю траурной чёрной лентой в дюйм шириной, и бережно протёрла от пыли ближайший к себе вагончик, зелёный с золотыми деталями.

– Как ты думаешь, сколько ещё пройдёт времени, – хрипло спросила она у Иви, – пока мы не решимся убрать всё в коробку? – Она сглотнула слюну и чуть не закашлялась. – В смысле пока нам не станет уже всё равно или нас не начнёт раздражать, что мы вечно спотыкаемся об эти рельсы и поезда?

Иви покачала головой:

– Не знаю. Когда-нибудь наверняка так и будет. Но я совершенно не представляю когда. Может быть… через несколько лет. – Она умолкла, глядя на

запылённые игрушечные вагончики. – А ты знала, что между мной и тобой у мамы был ещё ребёнок? – вдруг спросила она. – Но он сразу умер.

Китти прекратила полировать поезд и удивлённо уставилась на сестру:

– Нет, я не знала.

– Это был мальчик. Мисс Дженнингс мне рассказала.

Китти вздохнула:

– Значит, я стала огромным разочарованием для мамы с папой.

– У них уже был Дэвид, – заметила Иви. – В смысле у них не все девочки. – Иви тоже взяла в руки игрушечный вагончик и принялась вытирать его краем подола. – Между мной и Дэвидом тоже большой промежуток. Наверняка это значит, что были и другие дети, которые умерли. Я просто пытаюсь сказать… я пытаюсь сказать, что мама уже теряла детей. Она умеет справляться с горем. – Она яростно тёрла синюю крышу игрушечного вагончика, где темнело какое-то пятнышко. Может, кусочек засохшего печенья. Или капля варенья. Пятно было липким. – Хотя теперь ей тяжелее. Алекс всё-таки был уже не младенцем.

– А я тоже могу умереть? – Китти уронила платок и уставилась на сестру широко распахнутыми испуганными глазами. – Я же совсем не намного старше Алекса.

– Нет, ты не умрёшь, – быстро проговорила Иви. Но она не могла этого знать наверняка, и ей показалось, что Китти почувствовала её неуверенность.

– Я постараюсь никогда не промочить ноги.

– Мне кажется, дело не в том, что он промочил ноги, – прошептала Иви. – Просто так получилось. И тут уж ничего не поделаешь. – Она виновато оглянулась на дверь. Ей показалось, она услышала какой-то звук. Словно кто-то стоял за дверью, переминаясь с ноги на ногу. Мама редко заходила в игровую комнату – но вдруг она случайно подслушала, как они с Китти говорят об умерших младенцах?

– Ты чего испугалась? Это просто собаки, – сказала Китти.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошёл крупный эрдельтерьер. Он ласково прислонился к плечу Иви. Его жёсткая кудрявая шерсть щекотала ей ухо. Иви погладила его по носу и прошептала:

– Здравствуй, Брэнди, мой ангел.

– Только не говори так при маме, – предупредила её Китти. – Теперь, когда Алекс стал настоящим ангелом, так нельзя. А то мама рассердится, а потом снова заплачет.

Иви кивнула. Вчера мама вежливо отказала соседке, когда та пригласила Китти к ним в гости поиграть с её дочкой. Китти ни капельки не расстроилась и объявила за завтраком, что лучше вообще умереть, чем идти в гости к Эдит, самой противной из всех противных девчонок. За столом воцарилась пугающая тишина, а потом мама уронила нож на тарелку – он упал с оглушительным звоном – и выбежала из столовой, прижимая к глазам носовой платок. Все домочадцы старались следить за своими словами, но за всем уследить трудно. Дэвид и вовсе почти перестал разговаривать.

Брэнди обернулся к двери с выражением терпеливого ожидания на морде – а может, Иви так показалось.

– Иди сюда! – позвала Иви. – Ты уже почти у цели!

Из коридора донёсся яростный топот крошечных лапок. В комнату пулей влетел щенок таксы и, с разбегу вскарабкавшись на колени к Иви, улёгся, тяжело дыша.

Иви погладила его по спине:

– Утомился, мой бедный. Макс такой маленький, а ступеньки такие большие. Брэнди тебя не дождался, да? Бросил прямо на лестнице?

Макс только недавно научился подниматься по лестнице. Ещё неделю назад его приходилось относить наверх на руках: короткие лапки не позволяли ему взбираться по ступенькам. Иногда Брэнди вставал на ступеньку выше и

ободряюще лаял, наблюдая, как Макс карабкается наверх, но чаще убегал вперёд, бросив малыша одного. Иви казалось, что Брэнди до сих пор ревнует и пользуется отсутствием Макса – тот догонял его лишь через пять-десять минут, – когда всё внимание достаётся ему одному. Однажды он попытался втащить Макса наверх, схватив зубами за шкирку, но щенок так отчаянно дёргался и извивался, что Брэнди пришлось его выпустить. Макс потом укусил Брэнди, причём достаточно сильно, и тот больше не пытался ему помогать.

Папа как-то раз пошутил, что в отношении Макса Брэнди придерживается политики вооружённого нейтралитета, но тут же посерьёзнел и что-то пробормотал Дэвиду о ситуации на Балканах. Иви так и не поняла, что это значит. Она погладила Макса по шёлковой спинке, и он, взвизгнув от удовольствия, перевернулся коричнево-розовым брюшком вверх и радостно замахал рыжими лапками. Он был самым красивым щенком на свете – с чёрной шёрсткой, блестящей, как папины сапоги, с аккуратными рыжими бровками и длинными мягкими чёрными ушками. Сейчас его ушки разметались по Ивиной юбке, как крылья.

– У него уши как половина его самого, – заметила Китти. – Может, он ещё и поэтому поднимается по лестнице так долго. Он, наверное, на них наступает и спотыкается. Такой глупыш. – Она ласково почесала Брэнди под подбородком.

Макс открыл один глаз и покосился на Китти. Он знал, что она любит Брэнди больше, чем его, и ему это явно не нравилось.

– Он ещё дорастёт до своих ушей, – сказала Иви, пропустив между пальцами одно ушко Макса, на ощупь напоминающее тёплый шёлк. – Может, по длине он будет такой же, как Брэнди. Только с короткими лапками.

Макс вдруг завозился, спрыгнул с колен Иви и, виляя хвостом, принялся деловито обнюхивать игрушечные вагончики на игрушечных рельсах.

– Он их погрызёт! – воскликнула Китти. – Иви, нельзя, чтобы он грыз Алексовы игрушки!

– Ничего он их не погрызёт. Нет, Макс. Нельзя!

Макс обернулся и укоризненно посмотрел на неё, как бы говоря: неужели я бы стал их грызть?! Он потыкался носом в рельсы, а затем аккуратно взял в зубы крошечную деревянную ёлку. Иви рванулась её отнять, но не успела. Раздался хруст дерева, и Китти испуганно вскрикнула:

– Я же тебе говорила! Плохой пёс, глупый пёс! Он вечно всё портит!

Иви усадила Макса к себе на колени и вытащила у него из пасти горсть мокрых щепок. Макс возмущённо рычал. Китти и Брэнди смотрели на них с одинаковым выражением ужаса пополам с негодованием.

– Это просто деревце, – пробормотала Иви. – Не самая важная часть железной дороги.

– Что сказал бы Алекс? – Китти горестно покачала головой. – Он любил эту железную дорогу со всеми домиками и деревьями. Он бы наверняка рассердился. – Она опустила ресницы и хитровато взглянула на Иви. – Надо сказать маме.

– Не скажешь! – Иви сердито уставилась на неё.

– Может, и не скажу, – легко согласилась Китти. – Но если он снова что-то испортит, тогда ты признаешься маме сама. Всё-таки это твой пёс.

Иви вздохнула:

– Ладно, договорились.

– И ты сейчас будешь делать всё, что я говорю. Ровно тридцать семь минут.

На день рождения Китти подарили маленькие дорожные часы. Это было за несколько дней до того, как заболел Алекс. Китти их обожала, повсюду носила с собой и при каждой удобной – и неудобной – возможности напоминала Иви, что у неё есть свои собственные часы, а у Иви нет. Впрочем, Иви не обижалась. Ей на день рождения подарили щенка, и этот подарок был в миллион раз лучше любых часов, хотя Макс и норовил погрызть всё, до чего мог дотянуться.

– Почему именно тридцать семь? – спросила Иви.

– Потому что мне так захотелось. Пойдём. – Китти подхватила свои драгоценные часы за крошечную серебряную ручку, вышла из игровой и направилась в их с Иви спальню. Иви, Брэнди и Макс послушно потопали за ней.

Увидев, как Китти открывает шкаф, Иви тяжело вздохнула. Она уже поняла, что они будут делать в ближайшие тридцать семь минут. То же самое, что вчера. И как только Китти не надоест!

– Нам нельзя снимать траур, – сказала она. – Когда будет можно, нам скажут.

– Мы только быстренько их примерим, а потом снова наденем всё чёрное, – ответила Китти. – Никто даже и не узнает. И можно надеть сарафаны прямо на платья. Ну пожалуйста, Иви… – Она умоляюще посмотрела на сестру, а затем выразительно взглянула на Макса, на мордочке у которого ещё виднелись деревянные щепки с остатками зелёной краски.

Иви снова вздохнула и, достав из шкафа две вешалки с тёмно-синими шерстяными сарафанами и переброшенными через крючки поясами, сплетёнными из золотого шнура, вручила сестре вешалку с сарафаном поменьше. Китти радостно ахнула, приложила его к себе и встала перед большим зеркалом на дверце шкафа.

– Не смей! – крикнула она Максу, попытавшемуся схватить зубами кисточку на конце пояса, и подняла пояс повыше, чтобы Макс до него точно не дотянулся. Щенок, повизгивая, ушёл под кровать обижаться.

Эти форменные сарафаны доставили из галантерейного магазина буквально вчера, и Китти влюбилась в них с первого взгляда. Не только потому, что в них они с Иви выглядели как настоящие школьницы, но ещё и потому, что это означало, что уже совсем скоро в их жизни наступят невероятные перемены. Никакой больше мисс Дженнингс (Китти скучала по ней не так сильно, как Иви, отчасти по той причине, что мисс Дженнингс всегда придиралась к её правописанию). Папа сказал им, что в этом году они пойдут в школу. Дэвид с первого класса учился в школе-пансионе для мальчиков, и через год в ту же школу должен был поступить Алекс, но Иви с Китти всегда обучались дома. Мама считала, что девочкам больше подходит домашнее образование. Но папа

недавно завёл знакомство с кем-то из попечителей новой школы на Проспект-Хилл, и рассказы о ней пришлись ему по душе. Он написал директрисе письмо с просьбой о зачислении в школу обеих его дочерей, поскольку на Проспект-Хилл было подготовительное отделение – как раз для Китти. Он сам заказал девочкам школьную форму в «Спантоне»: синие сарафаны, светло-бежевые блузки и золочёные плетёные пояса – как знак принадлежности к «золотому стандарту» образования. Сёстры с нетерпением ждали первого сентября, когда должны были начаться занятия.

Они уже миллион раз перечитали рекламную брошюрку, пытаясь представить, каково будет учиться в школе. Брошюрка была совсем тоненькой и без картинок, но Иви с Китти не раз видели в городе учениц окружной школы, когда гуляли с мисс Дженнингс, и завидовали этим девочкам в скромной, но элегантной форме, завидовали их весёлому смеху, их большой шумной компании. Им хотелось скорее пойти в школу ещё и потому, что на занятия положено приходить в форме, и это значит, что им не придётся всё время носить только чёрное в течение всего полугода, пока длится траур по брату.

– Мне кажется, в школе придётся учиться ещё усерднее, чем дома, – сказала Иви, рассудив, что лучше предупредить Китти сразу. – У них, наверное, строго с правописанием. Может быть, даже строже, чем у мисс Дженнингс.

– Куда уж строже? – пожала плечами Китти, накручивая на руку золотой поясок. – Во-первых, там будет много других девочек. И мальчиков тоже – в нашем подготовительном классе. А значит, учительнице придётся проверять кучу тетрадок, а не только одну мою. – Она посмотрела на Иви, и её улыбка погасла. – Как думаешь, мама проводит нас в школу?

Иви нахмурилась. Сейчас мама в таком состоянии – то совершенно нормальная, то вдруг вся в слезах, – что даже если она и захочет их проводить, может выйти неловко.

– Наверное, нет… – задумчиво проговорила она. – Мама не хочет, чтобы мы пошли в школу. Как я понимаю, она собиралась найти нам другую гувернантку, чтобы мы продолжали учиться дома. Так что ей вряд ли захочется нас провожать.

Иви слышала, как мама с папой ругались. Вчера, когда привезли форму из магазина, мама обвинила папу, что он хочет отнять у неё всех детей. Она плакала и кричала, и Иви поспешила увести Китти наверх.

– Мы и сами дойдём, без провожатых, – решительно заявила Китти, хотя вид у неё был немного встревоженный. – Все дети так ходят. А кто-то даже ездит в школу на автобусе, я сама видела. – Она широко распахнула глаза. – На автобусе, представляешь?! Совсем одни!

Иви кивнула и пробормотала:

– Мы тоже привыкнем ходить одни. – Она разделяла восторги сестрёнки, и всё же ей было немного боязно, ведь раньше они никогда не ходили по городу без гувернантки. – Давай я тебе помогу. Подними руки.

Она надела на Китти форменный сарафан, натянув его через голову прямо поверх чёрного платья, и подвязала пояском. Сарафан оказался длинноват. Даже с поясом, который его приподнял, он доходил Китти почти до лодыжек. Иви подумала, что его обязательно надо укоротить. Раньше мама всегда следила за их одеждой, и если какие-то вещи оказывались не в пору, она отдавала их на переделку знакомой портнихе. Той самой, которая сшила им с Китти эти странные чёрные пальто с пелеринами-крыльями. Иви понимала, что сейчас явно не самое подходящее время, чтобы спрашивать у мамы насчёт сарафанов. Впрочем, до первого сентября ещё больше месяца. Может быть, Китти успеет чуть-чуть подрасти. Или мама… придёт в себя. Иви посмотрела на Китти – такую маленькую и нелепую в этом подпоясанном сарафане поверх чёрного платья, похожую на перетянутый бечёвкой пшеничный пудинг, – и её сердце сжалось от пронзительной нежности к младшей сестрёнке. Теперь они с Китти остались вдвоём. Алекса больше нет, а Дэвид почти взрослый, он уже не считается. Иви твёрдо решила, что не даст Китти в обиду. Если кто-нибудь в школе станет дразниться, что у Китти слишком длинный сарафан, Иви такое ему устроит… такое… правда, что именно она устроит, пока непонятно. Иви знала о школе только из книжек Анжелы Брэзил, которые ей присылала тётя. Каждую книжку Иви перечитывала по сто раз, заворожённая рассказами о неведомом школьном мире. Хотя, может быть, в жизни всё будет совсем не так, как описано в книгах.

Приступ сестринской любви миновал, и в сердце Иви вновь поселилась гнетущая, страшная пустота. Было так странно, что Алекса больше нет. Растерянность и боль утраты не проходили со временем, как это было, когда

умер Питер, Ивин кролик. Иви несколько дней безутешно рыдала, а потом начала забывать – и вспоминала только тогда, когда её взгляд случайно натыкался на пустую клетку, и она снова плакала, но уже не так горько, как прежде. А потом наступил её день рождения, и папа подарил ей Макса.

Конечно, она понимала, что смерть кролика нельзя сравнивать со смертью брата, потерю которого ничем не восполнишь, – но ей почему-то казалось, что именно так всё и будет. Со временем боль притупится и горе отступит. Но горе не отступало. Зияющая пустота в её сердце становилась всё больше и больше, и от каждого пустяка – когда она видела разбросанные по полу игрушки брата или когда Брэнди скрёбся в дверь его спальни – ей хотелось выть в голос.

– Ну всё, Китти, снимай сарафан, – сказала Иви так резко, что у Брэнди встревоженно дёрнулись уши. – А то вдруг мама войдёт и увидит? Тебе точно достанется. – Она потянула за кисточку на конце пояса Китти.

Китти нехотя отвернулась от зеркала.

– Да, наверное, ты права, – вздохнула она. – Скорее бы сентябрь! – И она послушно позволила снять с себя школьный сарафан.

Пока Иви вешала сарафаны обратно в шкаф, Китти открыла ящик комода, где лежали тоже купленные для школы очень красивые новые блузки из плотного светло-бежевого шёлка. Вдоволь налюбовавшись обновками, Китти уселась на пол, обняла Брэнди одной рукой и открыла зелёный кожаный чехольчик своих дорожных часов.

– Тридцать семь минут ещё не прошло, – сердито пробормотала она.

– Тогда говори, что будем делать в эти оставшиеся сколько-то там минут. – Иви села напротив неё и усадила Макса к себе на колени, старательно напоминая себе, что ещё пару минут назад её сердце сжималось от нежности к младшей сестрёнке.

Китти шмыгнула носом, и вдруг у неё из глаз хлынули слёзы. Потекли по щекам в три ручья.

– Я не знаю, – сбивчиво прошептала она. Брэнди встревоженно заскулил и принялся облизывать ей лицо. – Всё так плохо, так грустно. Я не знаю, что делать.

Иви придвинулась ближе к сестре и крепко-крепко её обняла:

– Я тоже не знаю, Китти. И, наверное, никто не знает. – Она вскинула голову и прислушалась. – Кто-то идёт! – Она быстро взглянула на шкаф, чтобы убедиться, что дверца закрыта, потом поднялась с пола, увлекая за собой Китти, и поспешно отряхнула ей платье.

– Иви! Китти! Вы где? – Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел запыхавшийся Дэвид. Похоже, он поднимался по лестнице бегом. Интересно, подумала Иви, слышала ли его мама.

– Тише! – Она замахала на брата руками. – Не шуми! Нельзя беспокоить маму!

– Нет, ты послушай! – Дэвид схватил Иви за руку и сжал так сильно, что ей стало больно. – Ты просто не знаешь! Папа вернулся домой…

– Значит, мама тоже вернулась. Поэтому не кричи, Дэви. И отпусти мою руку…

Но Дэвид сжал её руку ещё сильнее:

– Папа уже давно привёз маму домой, а сам поехал в контору. Послушай! Немцы вторглись в Бельгию! Мистер Асквит выступил с речью. Мы предъявили Германии ультиматум!

– Что предъявили? – спросила Китти, и Дэвид обернулся к ней. Иви воспользовалась возможностью вырвать руку и принялась растирать больное место, сердито глядя на брата.

– Э… Ультиматум. Это такой документ, где написано что-то вроде: «Делайте, что вам говорят, а не то будет хуже». Германия воюет с Францией и Россией, а мы пока в войну не вступали. Но теперь нам придётся объявить войну Германии, потому что давным-давно мы заключили с Бельгией договор и обещали её защищать от любого вторжения. Папа сказал, что король объявил всеобщий

военный призыв. Все мужчины Йоркшира спешат вступить в армию!

– Мистер Асквит – этот тот дяденька, который носит пенсне и живёт на вершине холма? – спросила Китти. – Я думала, что его зовут Астон.

– Нет, Китти! Мистер Асквит – это наш премьер-министр! – воскликнул Дэвид, закатив глаза. – Неужели вы не понимаете?! Будет война!

Иви с сомнением покачала головой:

– Нет, вряд ли… Зачем нам война? Это же из-за убийства эрцгерцога, верно? Но ведь его застрелили в Сербии, Дэви. Это так далеко и вообще нас не касается. Я даже не знала, что есть какая-то Сербия, пока папа не заговорил о ней за завтраком.

– Будет война, вот увидишь. – Дэвид уселся на кровать Китти и покачал головой. – Я вот думаю… Что это значит конкретно для нас? Может, мне не придётся возвращаться в школу? Я даже не удивлюсь, если школы и вовсе закроют.

– Школы закроют?! – испуганно переспросила Китти. – Почему их закроют?

– Да, почему? – спросила Иви, кусая губы. Они с Китти так мечтали о школе, так ждали первого сентября, а теперь получается, что все их мечты были напрасны? – Не вижу причин, почему надо их закрывать. Это какая-то чушь!

Дэвид пожал плечами:

– Может, и не закроют. Но у нас в школе есть отделение Учебного офицерского корпуса. Я подумал, что всех старшеклассников, наверное, призовут. Я забыл, что есть ещё младшая школа.

– Но тебе только пятнадцать, – нахмурилась Иви. – Тебя не возьмут на войну.

– Почему это не возьмут?! – воскликнул Дэвид и сел прямее, расправив плечи. – У нас у всех есть военная подготовка.

– А ты хочешь пойти на войну? – спросила Иви.

– Конечно, хочу. Мы должны защитить Бельгию, Иви. Немцы совсем обнаглели. Пора их поставить на место. – Дэвид говорил очень серьёзно и стучал кулаком по кровати, причём с такой силой, что кровать дрожала при каждом ударе. Иви показалось, что брат даже не замечает, что делает. – Да, совсем обнаглели. Все так говорят, все мои одноклассники. Один из наших учителей ещё в прошлой четверти говорил, что война неизбежна, потому что Германия собирается захватить всю Центральную Европу и превратить её в тевтонское государство… то есть в немецкое, – объяснил он прежде, чем Китти успела спросить.

– Наподобие Британской империи? – нахмурилась Иви.

– Вот именно. – Глаза Дэвида потемнели от ужаса при одной только мысли о чём-то подобном. – Если мы вступим в войну… а я уверен, что вступим, это уже дело чести… мы разобьём этих пакостных немцев уже к Рождеству.

– Потому что мы их сильнее, – уверенно проговорила Китти, и Дэвид улыбнулся сестрёнке снисходительной улыбкой старшего брата:

– Конечно.

Наверное, к Рождеству они позабудут об Алексе, размышляла Иви, слушая Дэвида, который взахлёб, с горящими глазами пересказывал всё, что говорили учителя у него в школе, что говорил папа, что говорил их сосед (мальчик чуть старше Дэвида). Весь взбудораженный, разгорячённый, он был совсем не похож на того растерянного, поникшего Дэвида, стоявшего сегодня у могилы их младшего брата. Даже Китти, которая по возрасту была ближе всех к Алексу и проводила с ним больше времени, как будто забыла о своём горе. Сейчас она рылась в сундуке с игрушками – искала бумажные флаги, которые папа купил ей для украшения замков из песка.

– Вот! Нашла! – радостно закричала она, вытаскивая набор из-под стопки потёртых коробок с настольными играми. – Я же помнила, что у меня оставался британский флаг. – Она принялась бегать кругами по комнате, размахивая помятым бумажным флажком. – Боже, храни короля! Да здравствует Англия! Мы идём на войну!

Глава вторая

Разговор с Дэвидом взбудоражил сестёр, и вечером в тот же день состоялось официальное объявление войны, но больше ничего особенного не произошло. Иви сама толком не знала, чего она ждёт. И всё же война – это очень большое событие, очень важное. Она уж точно должна как-то затронуть их жизнь, но пока что она выражалась лишь в том, что папа стал больше ворчать, читая утренние газеты.

Британские экспедиционные войска были незамедлительно переброшены во Францию, чтобы сдержать наступление немцев на Париж. Иви думала, что британцы без труда оттеснят неприятеля и разобьют его в пух и прах, но быстрой победы не получилось. Хотя у британских солдат была отличная военная подготовка, они оказались бессильны против численного превосходства Германии – под натиском немецких войск британцы были вынуждены отступать. По крайней мере, так поняла Иви, прислушиваясь к папиному ворчанию за чтением газет.

Дэвид уехал обратно в школу, по-прежнему не теряя надежды, что начальная офицерская подготовка, полученная в интернате, позволит ему записаться в действующую армию. По всей стране был объявлен призыв добровольцев, и в желающих не было недостатка, но, похоже, пятнадцатилетних мальчишек в армию всё же не брали.

Китти повсюду ходила с бумажным британским флагом, но позабыла о нём в тот же миг, когда папа принёс ей новенький школьный ранец. Ранец так и остался пустым, хотя уже наступило первое сентября и сегодня им с Иви предстояло впервые отправиться в школу. Они обе не знали, что именно нужно приносить с собой на уроки, но Китти не терпелось скорее стать школьницей. Позавчера Иви проснулась посреди ночи и увидела, что дверца шкафа распахнута настежь, а её младшая сестрёнка дремлет в обнимку со своим школьным сарафаном. Сарафан был по-прежнему ей длинноват, но уже не так сильно, как раньше: Иви упросила Сару, мамину горничную, его укоротить.

Сара сначала насупилась, но в итоге всё-таки согласилась. Иви, краснея и заикаясь, предложила ей плату из своих собственных карманных денег, и, кажется, именно это решило дело.

– Вы в своём уме, мисс?! – Сара даже немного обиделась. – Ишь что удумали! Денег я, знамо дело, у вас не возьму. Хотя подшивать ваши одёжки – это уж точно не моя работа. О чём только думала ваша мама, когда увольняла мисс Дженнингс!

– Мама просто… расстроилась… – пробормотала Иви. – Из-за… всего.

– Ну да, так. Мы все горюем. Бедный малыш. Вот ведь как в жизни бывает… – Сара тяжело вздохнула. – Ладно, несите этот ваш сарафан, мисс. И приведите сестрёнку. Мне ж надо знать, сколько там подшивать.

Иви кивнула:

– Спасибо, Сара. Большое спасибо!

Когда Сара увидела Китти в почти подметающем пол сарафане, она пришла в ужас. Кухарка тоже схватилась за голову, воскликнув «Батюшки святы!». Иви слышала их приглушённый разговор, когда они вдвоём ползали на коленях вокруг Китти, подкалывая и примётывая подол.

Фраза «О чём только думает их мать!» звучала неоднократно.

Если бы Иви не делала вид, что не слышит, она бы ответила сразу, не задумавшись ни на секунду. Мама думает о чём угодно, но только не о своих дочерях.

Сегодня за завтраком папа снова с досадой тряхнул газетой и пробормотал:

– Всё ещё отступают.

– Что? – рассеянно спросила мама. Она ничего не ела, но перед ней на столе стояла чашка с горячим чаем, который ей налила Иви.

Папа выглянул из-за газеты и улыбнулся маме. Когда он улыбался, в уголках его глаз появлялись морщинки.

– Читаю военные сводки. Новости неутешительные. После битвы при Монсе наши по-прежнему отступают, но храбро сражаются в арьергардных боях.

– А…

– Папа… – тихо проговорила Иви, – нам, наверное, уже пора идти в школу?

Услышав эти слова, Китти в нетерпении привстала со стула. Она тоже ничего не ела. Она так волновалась перед первым днём в школе, что у неё совершенно пропал аппетит, и все свои тосты она потихоньку скормила сидящему под столом Брэнди. Да, Китти привстала, но тут же села обратно, не желая привлекать к себе внимание. Они с Иви до сих пор с трудом верили, что им разрешат ходить в школу, хотя папа сказал, что он уже оплатил их первый год обучения.

Иви особо не нервничала. Именно потому, что не была уверена, будет ли школа вообще. Даже утром, надевая школьную форму, она почти не волновалась. Но теперь её сердце внезапно забилось так сильно, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди. У неё почему-то ужасно замёрзли руки, и она зажала ладони между коленями, чтобы их согреть. Но папа спокойно, без всякой спешки достал из жилетного кармана часы и, откинув крышку, взглянул на циферблат.

– Да, пожалуй, пора, – сказал он и вдруг нахмурился, очевидно только сейчас вспомнив, что у них уже нет гувернантки, которая проводит его дочерей до школы. – Ты знаешь дорогу, Иви?

– Да, – горячо закивала Иви. – Можно пройти через городской ботанический сад. Я спросила у Сары, она мне всё рассказала.

– Ясно. – Папа надолго замолчал, и Иви испугалась, что сделала что-то не то. Может, ей не стоило обсуждать школу с прислугой? Но что было делать? К папе с расспросами не подступиться, он всегда слишком занят. А мама… Мама вечно такая усталая и безучастная, словно она вообще где-то не здесь.

Наконец папа кивнул и сказал:

– Хорошо. Ты молодец, обо всём позаботилась. Ну что ж, вам и вправду пора. Поцелуйте маму на прощание и ступайте. Ты же присмотришь за Китти, да, Иви? Убедишься, что она нашла нужный класс, ну и вообще… – Он разгладил пальцами усы, и Иви подумала, что папа тоже нервничает, хотя почему – непонятно. Она подошла к нему и обняла, на секунду прижавшись щекой к его колючим усам.

– Спасибо, что отпустил нас одних, – прошептала она. – Всё будет хорошо, честное слово.

– Пойдём, ну пойдём же. – Китти нетерпеливо топталась в дверях, переминаясь с ноги на ногу и пытаясь сдержать радостное возбуждение. Она уже надела пальто и держала в руках свой школьный ранец и две соломенные шляпки. Как только Иви вышла из столовой, Китти опрометью бросилась в прихожую и распахнула входную дверь. Выйдя из дома, они направились к выходящей на улицу калитке. Сент-Хильдас-Террас располагалась на самой вершине холма, возвышающегося над городом, и Сара с кухаркой решили, что до школы лучше всего добираться напрямик через ботанический сад: то есть спуститься по склону холма, выйти из сада на нижнюю террасу и оттуда подняться обратно на Проспект-Хилл. Пока Иви открывала калитку, Китти заглянула в свой ранец и объявила:

– У нас только двадцать минут!

– Ты взяла с собой в школу часы?!

– Ну конечно. Как иначе я буду знать время? – Китти покачала головой, словно сокрушаясь, что у неё такая безмозглая старшая сестра.

– А если ты их потеряешь? Если случайно уронишь и они разобьются?

– Не уроню, – уверенно проговорила Китти. – В ранце они не разобьются. Я завернула их в шарф. Не волнуйся, Иви.

Иви вновь пожалела, что с ними нет мисс Дженнингс. Она сумела бы вразумить Китти. Впрочем, Китти права: надо поторопиться. Нельзя опаздывать на урок в самый первый день в школе. Иви тяжело вздохнула, взяла Китти за руку и вывела за калитку.

Когда они вышли из сада на проспект у подножия холма, Иви увидела ещё нескольких девочек в соломенных шляпках учениц окружной школы и нескольких мальчиков в школьных галстуках. Обучение в школе на Проспект-Хилл было раздельным – только в подготовительном классе, куда пойдёт Китти, девочки учились вместе с мальчиками, – но Иви, кажется, узнала в лицо одного мальчика из кружка бальных танцев, куда их с Китти водила мисс Дженнингс. Но заговорить с ним Иви не решилась. А вдруг она обозналась? Да и кто-то из девочек мог услышать, как она окликает мальчишку на улице. Мисс Дженнингс всегда была очень строга в отношении правил хорошего тона. Она точно сделала бы замечание Иви, потому что воспитанным барышням не пристало заводить разговоры с незнакомыми мальчиками. Поэтому Иви, уставившись себе под ноги, почти не слушала радостную болтовню Китти, которая всё никак не могла успокоиться, что в окружной школе учится столько детей.

– Смотри, какие большие девочки! – прошептала Китти, указав взглядом на небольшую компанию из трёх старших девочек на другой стороне улицы. – Та, которая с тёмными волосами, почти такого же роста, как наш папа!

– Наверное, она староста? – прошептала в ответ Иви.

– Думаешь, в этой школе есть старосты?

– Думаю, да, – неуверенно ответила Иви. – Во всех книгах о школах есть старосты.

Китти кивнула. Она тоже читала Ивины книжки со школьными историями.

– Наверное, в школе всё будет так же, как в этих книжках. Мы будем ходить на балы, играть в хоккей на траве и теннис. Жаль, что у нас самая обыкновенная школа. Не интернат, как у Дэвида. Мне бы хотелось устроить полуночный пир. Ой, Иви, смотри, они переходят на нашу сторону!

Старшие девочки действительно перешли через дорогу, с любопытством поглядывая на Иви и Китти. Высокая черноволосая девочка улыбнулась им:

– Привет! Вы у нас новенькие?

Китти с Иви настолько оробели, что даже не сразу сумели ответить. Наконец Иви справилась со смущением и, кивнув, еле слышно проговорила:

– Да.

– Как вас зовут?

– Иви и Китти Мэйтленд.

Светловолосая девочка с веснушками на носу ободряюще улыбнулась Иви:

– Очень приятно. Я Лейла, а это Эйлса. Эйлса – капитан школы. Большой человек!

Иви кивнула. Значит, она не ошиблась насчёт этой высокой девочки. Капитан школы – это, наверное, и есть главный староста.

– А я Элейн, – представилась третья девочка. – Вы уже раньше ходили в школу?

Иви покачала головой:

– Нет. У нас была гувернантка, она учила нас дома. А потом папа узнал о школе на Проспект-Хилл. – Ей не хотелось рассказывать об Алексе – она боялась расплакаться. – Он знаком с кем-то из попечителей.

Темноволосая Эйлса кивнула:

– Вы живёте на Сент-Хильдас-Террас, да? Мы видели, как вы спускались с холма через ботанический сад. С дорогой до школы вам повезло.

– Только вам будут нужны галоши, когда начнутся дожди. Поздней осенью склон превращается в море грязи, – заметила Элейн. – Кстати, надо поторопиться. Нам ещё предстоит длинный крутой подъём, а если Эйлса опоздает на первый урок, это станет не лучшим примером для нас, простых смертных.

Эйлса закатила глаза:

– Теперь они вечно будут дразниться! Меня только что выбрали капитаном, – объяснила она Иви и Китти. – И у них теперь новое развлечение – постоянно меня поддевать. Хотя они сами старосты. А вы идёте совсем одни, без родителей? В первый день в новой школе? Вы очень смелые.

– Папе надо в контору, – затараторила Китти так непринуждённо, что Иви даже стало завидно: Китти, хотя была младше, совсем не стеснялась. – А мама… – Она вдруг замолчала и с тревогой взглянула на Иви: что им сказать?

– Ей нездоровится, – быстро пробормотала Иви.

– Ничего страшного, мы вас проводим и отведём куда нужно. Ты уже знаешь, в каком ты классе? – спросила Эйлса у Иви. – Твоя сестра точно в подготовительном, я уже вижу.

Иви встревоженно прикусила губу.

– Мне одиннадцать, – сказала она. – Но в каком я классе, не знаю.

– Раз одиннадцать, значит, в третьем начальном, если только ты не вундеркинд, – улыбнулась Эйлса. – Они будут рады, что к ним пришла новая ученица. Их сейчас всего восемь. Самый маленький класс во всей школе, и им это не нравится.

Иви кивнула, мысленно вздохнув с облегчением. Восемь человек в классе! Значит, всё не так страшно. В те минуты, когда она позволяла себе поверить, что они с Китти действительно пойдут в школу, что мама в самый последний момент не передумает и не решит подыскать для них новую гувернантку, Иви переживала, что не сможет запомнить имена всех одноклассниц. Да, у неё были знакомые девочки – та же противная плакса Эдит из соседнего дома и

подружки, с которыми она виделась в церкви и иногда играла на пляже, – но ей ещё никогда не случалось оказаться в большом девчоночьем коллективе.

– Если у вас была гувернантка и вы никогда не ходили в школу, значит, вы не играете ни в нетбол, ни в хоккей на траве? – спросила Элейн. – Нам очень нужны сильные игроки для юниорской нетбольной команды.

Иви покачала головой, почувствовав себя глупенькой неумёхой. А вдруг она вообще ни на что не годится? Оставалось надеяться лишь на успехи в учёбе. С правописанием у неё всё неплохо. Гораздо лучше, чем у Китти. Впрочем, это уж точно не показатель. И играть на пианино она так и не научилась.

– Зато Иви очень быстро бегает, – сказала Китти. – Она сама никогда не скажет, потому что стесняется. Но это правда. Мне кажется, у неё должно хорошо получиться играть в хоккей.

– Перестань, Китти! – шикнула на неё Иви, залившись краской.

– Не надо её одёргивать, – рассмеялась Элейн. – Это так здорово, когда сёстры друг друга поддерживают. Почти все ученицы, у которых есть сестры, вечно с ними ругаются. А с братьями всё ещё хуже.

– Наш старший брат учится в интернате для мальчиков. А наш… ой… – Китти зажала рот ладошкой. Она хотела сказать, что Алекс ещё слишком мал, чтобы ходить в школу, но вовремя остановилась.

Старшие девочки с любопытством смотрели на Китти и явно ждали продолжения. Иви стиснула руку сестры и проглотила вставший в горле комок:

– Наш младший брат умер в июле. От воспаления лёгких. – Она указала глазами на чёрную траурную повязку у себя на рукаве.

– Теперь понятно, почему вашей маме так плохо, – мягко проговорила Эйлса. – Это большое горе. Я вам очень сочувствую.

– Это очень хорошо, что вы сейчас пошли в школу, – сказала Элейн. – Вам надо сменить обстановку, чем-то занять свои мысли… Кстати, мы уже пришли. Даже

не опоздали. Это наш вход, а мальчишки заходят с другой стороны.

Старшие девочки провели Иви и Китти внутрь, и те с любопытством огляделись по сторонам. Иви показалось, что вся школа состоит из одного-единственного бесконечного коридора с бесконечным же множеством дверей по обеим его сторонам. И что самое странное и удивительное – весь коридор был заполнен девчонками разного возраста, и все они шептались, смеялись и сновали во всех направлениях, кто куда. Похоже, все знали, куда идти, и только Иви и Китти растерянно застыли у входа. Иви очень хотелось влиться в эту весёлую девчоночью толпу – в своём форменном сарафане с золотым пояском она ничем не отличалась от остальных учениц, она была здесь своей, – но окружающий шум и гам её совершенно ошеломил.

– Доброе утро, мисс Дюсетт! – обратилась Эйлса к высокой женщине в модном шерстяном костюме, с длинными деревянными бусами на шее, украшенными причудливой резьбой. – Это Иви и Китти Мэйтленд, они новенькие. Куда их проводить? В кабинет мисс Дэвидсон?

– Доброе утро, девочки, – улыбнулась учительница. – Спасибо, Эйлса, не беспокойся. У меня есть список всех новеньких учениц. Китти пойдёт в подготовительный класс, а Иви – в третий начальный. Это значит, что я буду твоей классной наставницей, Иви. Я веду классное руководство у всех третьих классов и преподаю рисование.

Иви кивнула и улыбнулась почти настоящей улыбкой. Ей сразу понравилась мисс Дюсетт с её красивыми бусами. Рисовать Иви любила, и у неё неплохо получалось. Мисс Дженнингс всегда хвалила её рисунки. Иви даже не подозревала, что в школе бывают учителя только для рисования.

Мисс Дюсетт сказала, что сначала она отведёт в класс Китти. Когда они вошли в кабинет, там уже было полно ребят: и девочек, и мальчиков, ровесников Китти и чуть помладше. Само помещение было просторным и светлым, яркий солнечный свет свободно струился сквозь большие высокие окна. Молодая учительница тепло поприветствовала Китти, и та, радостно ей улыбнувшись, сразу уселась за парту и подмигнула Иви.

Мисс Дюсетт рассмеялась и поманила Иви за собой:

– Мне кажется, твоя сестрёнка быстро освоится. Вы ведь раньше не ходили в школу? Ваш папа всё рассказал мисс Дэвидсон.

Иви покачала головой, радуясь про себя, что ей не придётся ничего объяснять.

– Нет, не ходили, – пробормотала она.

– Я уверена, что тебе здесь понравится. Если что-то будет непонятно, не стесняйся и спрашивай у меня. Меня всегда можно найти в кабинете рисования.

– Тут есть кабинет только для рисования? – У Иви загорелись глаза, и мисс Дюсетт улыбнулась:

– Исключительно для рисования. У нас отличный набор материалов и наглядных пособий, есть даже гипсовые статуэтки и красивые муляжи для натюрмортов. Ты сама всё увидишь уже сегодня. У вас будет урок рисования после обеденной перемены.

– Я люблю рисовать, – сказала ей Иви. – Иногда я рисую вместе со старшим братом. После школы он собирается поступать в художественное училище, и он разрешает мне брать его краски и карандаши, а на день рождения подарил мне альбом и цветные мелки.

– В школе есть всё, что нужно для рисования, – сказала мисс Дюсетт. – Как я уже говорила, у нас прекрасный набор материалов, и ученикам можно пользоваться чем угодно. Вот мы и пришли. Это классная комната третьих классов.

Хотя в третьем начальном было всего восемь учениц, в третьем среднем их было двенадцать, так что класс показался Иви заполненным до отказа. Она вновь оробела и сумела лишь выдавить слабую улыбку, когда с ней поздоровались девочки с соседних парт.

– В этом году нам повезло. И в третьем начальном, и в третьем среднем есть новенькие. – Мисс Дюсетт улыбнулась Иви и ещё одной девочке с тёмными кудрявыми волосами и беспокойным взглядом. – Я надеюсь, вы позаботитесь о Хильде и Иви и поможете им освоиться в школе. У вас есть пять минут, чтобы поболтать о каникулах и обменяться самыми важными новостями, а потом мы

пойдём в актовый зал на общешкольное собрание.

Эти пять минут перед собранием стали для Иви последней передышкой за весь безумный и долгий день в школе. Хотя её сразу же окружили одноклассницы и принялись наперебой называть ей свои имена и буквально засыпать вопросами, она, по крайней мере, сидела на одном месте и никуда не бежала. Но как только прозвенел звонок на собрание, её словно подхватил бешеный вихрь и понёс по всей школе, не давая перевести дух: сперва в актовый зал, потом в библиотеку, где выдавали учебники, затем на урок ритмики (это был тихий ужас, потому что Иви не знала, что делать, постоянно сбивалась, путалась в движениях и отставала от всех остальных), а затем на обед. Но есть тоже пришлось в спешке, потому что Сибилла и Грейс – две подружки, взявшие над ней шефство, – решили, что им всем троим обязательно надо попасть на собрание, где будет запись в кружок народных танцев. После кошмарного урока ритмики Иви не хотелось никаких танцев, но ещё больше не хотелось расставаться с Сибиллой и Грейс, её провожатыми по незнакомому школьному миру.

На урок рисования она пришла с ощущением, что её целый день носил по школе маленький ураган, и с облегчением вздохнула, когда ей выдали чистый лист плотной белой бумаги. Мисс Дюсетт дала им задание нарисовать натюрморт с натуры: сухие цветы и китайский веер.

– Ненавижу натюрморты, – вздохнула Грейс, отщипывая кусочки от ластика. – Они никогда не получаются так, как надо, и мисс Дюсетт надо мной смеётся. Да, смеётся! – возмущённо повторила она, когда Сибилла тихонечко фыркнула. – Только не вслух, а про себя. Я же вижу. В рисовании я полный ноль.

– А ты хорошо рисуешь? – спросила Сибилла у Иви. – Грейс и правда рисует ужасно.

– Большое спасибо! – Грейс попыталась произнести это сердито, но не выдержала и хихикнула. – Я тебе это припомню в следующий раз, когда ты попросишь списать упражнение по латыни.

– Наверное, я рисую не так уж и хорошо, но мне нравится рисовать, – сказала Иви. – Иногда, когда я гуляю с собаками, я пытаюсь их нарисовать. Но они плохо позируют. Их не заставишь подолгу сидеть на месте.

– У тебя есть собаки?! Твои собственные?! – встрепенулась Сибилла. – Везёт же людям!

– Брэнди, эрдельтерьер, папин. А Макс – да, мой собственный. Мне его подарили на день рождения. Это щенок таксы. Он очень славный.

– Я сейчас буду кусаться от зависти. – Сибилла секунду подумала и вздохнула. – Наверное, всё-таки надо немножко порисовать, а то мисс Дюсетт на нас смотрит. – Она подняла карандаш в вытянутой руке, вымеряя пропорции веера.

Грейс провела на листе первую линию, скривилась от досады и схватилась за ластик.

Спустя пару минут прямо над ухом у Иви раздался восхищённый возглас:

– Ого! А ты классно рисуешь!

Иви вздрогнула от неожиданности, и карандашная линия у неё на листе пошла вкось.

– Ой! – испуганно прошептала Грейс. – Из-за меня ты испортила свой рисунок!

Иви улыбнулась:

– Это не страшно. Смотри. – Она быстро стёрла кривую линию и подняла лист. – Ничего и не видно.

– Я не хотела тебя напугать. Сибилла, смотри. Правда же, она классно рисует?

– Молодец, Иви. У тебя хорошо получается. Интересно будет посмотреть на законченную работу. Я уверена, что ты справишься на отлично. Сибилла, Грейс, я очень рада, что вы подбадриваете Иви, но, наверное, вам самим тоже стоит немножечко поработать? – Мисс Дюсетт прошла дальше по ряду, и Грейс тяжело вздохнула:

– Не знаю, как у неё получается так незаметно подкрадываться. Она ходит вообще бесшумно… Я, наверное, уже не буду ничего дорисовывать, потому что

получится ещё хуже. Не хочу расстраивать мисс Дюсетт. Она говорит, у меня напрочь отсутствует чувство перспективы. Она пытается мне объяснить, но я всё равно ничегошеньки не понимаю. Видимо, мне не дано. – Грейс сморщила нос и всё-таки нарисовала несколько загогулин, очень смутно похожих на цветы. Просто чтобы продемонстрировать старание. – Ладно, пока она далеко… Расскажи что-нибудь о себе, Иви. Что-нибудь интересное.

Иви беззвучно открыла рот, словно рыба, выброшенная на берег, а потом спросила:

– Что рассказать?

– Всё что хочешь!

– Я живу на Сент-Хильдас-Террас, – медленно начала Иви, попутно пытаясь придумать хоть что-нибудь интересное.

– Ясно, – сказала Грейс, уныло глядя на свой рисунок. – Я так и думала, что ты живёшь где-то поблизости. Я видела тебя в церкви.

– У меня есть младшая сестра. Она учится в подготовительном классе.

– Это неинтересно. К тому же мы знаем, что у тебя есть сестра. Мы её видели за обедом в столовой. Она твоя точная копия, только маленькая. – Грейс снова схватилась за ластик.

– Я совершенно неинтересная, – сказала Иви, пряча улыбку, и принялась наносить теневую штриховку на ручку китайского веера. – Лучше вы расскажите о себе. У вас есть братья и сёстры?

Грейс на секунду замялась.

– Мой старший брат пошёл на войну добровольцем, – наконец ответила она, отложив карандаш.

Иви изумлённо обернулась к ней:

– Он уже воевал?

– Он вступил в армию в тот же день, когда в газетах сообщили о битве при Монсе, – сказала Грейс. – Он купил газету по пути на работу и в обеденный перерыв сбегал на призывной пункт. Сказал, что не может остаться в стороне, когда наши солдаты так храбро воюют за освобождение Европы. Брат будет служить во Втором батальоне Йоркширского пехотного полка, но он пока не на фронте. Он сейчас в учебном лагере.

– А мои братья все младше меня, – с сожалением произнесла Сибилла. – Но моя старшая сестра уехала в Лондон и вступила в Женский чрезвычайный корпус. Она живёт у нашей тёти и работает в общежитии для бельгийских беженцев. Говорит, что такая работа ей нравится, потому что теперь у неё есть возможность применить свои знания французского, который она учила в школе. Правда, в основном она только моет посуду на кухне. А вот папа не очень доволен. Он считает, что в Женском корпусе служат одни суфражистки и они плохо влияют на Марджори.

– Мой брат тоже хочет вступить в армию, – сказала Иви. – Ему только пятнадцать, но он в каждом письме пишет папе, что собирается бросить школу и пойти на фронт.

– Мы тоже кое-что можем сделать для фронта, – сказала Сибилла.

– А что мы можем? – удивилась Иви. – Я знаю, что в Уитби тоже есть бельгийские беженцы, но совершенно не представляю, как мы им поможем.

Сибилла задумчиво посмотрела на Иви и быстро взглянула на Грейс, которая молча кивнула. Иви смутилась и покраснела. Она явно сказала какую-то глупость.

– Я… я имела в виду, что хочу помогать… Просто не знаю как.

– Тебя никто ни в чём не упрекает, Иви, – успокоила её Грейс. – Мы с Сиби просто сверкаем нимбами. Хвалимся перед тобой, как нам повезло, что нас сразу отправили в школу – так сказать, с малых лет.

Иви растерялась уже окончательно. Она вообще не понимала, о чём идёт речь.

Сибилла улыбнулась:

– Она имела в виду, что девчонки, которые сызмальства ходят в школу… – Она умолкла и беспомощно посмотрела на Грейс. – Я не знаю, как это сказать, чтобы никого не обидеть.

– Я тоже не знаю… Просто мы привыкаем к самостоятельности. В школе нет гувернанток и мам, чтобы нас опекать. И если мы захотим что-то сделать для фронта – то возьмём и сделаем!

Иви покраснела ещё гуще.

– Вас послушать – так я вообще какая-то размазня, – пробормотала она.

Ей было очень обидно услышать такое. Особенно после того, как она сама разузнала дорогу до школы и позаботилась о школьной форме Китти. Иви уставилась на свой рисунок, стараясь не шмыгать носом. Она прямо чувствовала, как у неё горят уши. Чем больше она размышляла, тем сильнее убеждалась, что Сибилла и Грейс правы. Она ведь и в самом деле не сделала ничего выдающегося. Расспросила кухарку и обратилась за помощью к Саре. Так себе достижения, если честно.

– Эй, ты же не плачешь? – забеспокоилась Сибилла.

Иви так и не поняла, из-за чего та переживает: что им попадёт от учительницы, потому что они довели до слёз новенькую, или что у них в классе теперь будет учиться такая рёва-корова? А может, из-за того и другого вместе.

– Нет! – Иви села прямее и сделала решительное лицо. – Конечно, нет. Я с вами согласна: мы должны что-то сделать для фронта. Давайте думать, что именно.

Сибилла предложила создать Комитет помощи военным от учениц третьего начального класса. Она сказала, что такие комитеты создаются повсюду и её старшая сестра даже в нескольких состоит. Поначалу в их комитет вошли только Сибилла, Грейс и Иви, но Грейс очень активно взялась за привлечение участниц –

она кидалась ластиком в голову одноклассницам, когда мисс Дюсетт не смотрела в её сторону, – и уже к середине урока истории, последнего на сегодня урока, весь класс в полном составе вступил в КПВ. Доротея Морган предложила привлечь и девчонок из третьего среднего, но эту идею отвергли сразу. Уже после звонка с урока Грейс объяснила Иви, что в третьем среднем учатся сплошные воображалы и задаваки, этакие цацы-мамзели, с которыми никто не хочет водиться.

– Они всё испортят, – сказала Сибилла. – А Доротея сказала глупость.

Доротея нахмурилась:

– Просто я подумала…

– Не надо думать! Тебе это вредно.

– Эй! – возмущённо воскликнула Доротея и сердито уставилась на Иви, которая не смогла сдержать смех.

– Извини, – пробормотала Иви.

– Не сердись на неё, Дор, – примирительно проговорила Грейс. – Она у нас новенькая, да ещё впервые в жизни попала в школу. Лучше давайте подумаем, что лично мы можем сделать для фронта.

– Сегодня уже не успеем. Мне надо бежать на автобус, – сказала Сибилла, с тревогой взглянув на часы. Иви уже знала, что Сибилла живёт в деревне за вересковой пустошью, в дальнем пригороде Уитби. Если она опоздает на свой рейсовый автобус, то следующего придётся ждать целую вечность. В окружной школе училось довольно много ребят из окрестных деревень. – Давайте каждый подумает дома, а завтра мы всё обсудим. Пока, Грейс! Пока, Иви, до завтра! – Она схватила свой ранец и пулей вылетела из класса.

Иви смотрела ей вслед с чуть растерянной, но довольной улыбкой. Она уже ощущала свою принадлежность к этому новому, ещё не очень понятному миру под названием «школа».

Глава третья

Деятельность Комитета помощи военным началась с вязания. Это было не самое увлекательное занятие, но Сибилла сказала, что на первое время сойдёт, а потом они непременно придумают что-нибудь поинтереснее. Иви и Грейс поручили закупить пряжу: они жили прямо в Уитби, и после уроков им не надо было бежать на автобус или на поезд. Все одноклассницы сдали по пенсу, и по дороге из школы домой Грейс, Иви и Китти зашли в галантерею на Флауэргейт. Иви уже бывала там с мамой и помнила, что в магазине был большой выбор вязальной пряжи самых разных цветов. Но сейчас с полок убрали всю яркую пряжу и оставили только серую, коричневую, тускло-зелёную и тёмно-синюю.

– Мне бы вряд ли понравился шарф таких скучных цветов, – прошептала Китти, с сомнением оглядев полки.

– Они должны сочетаться с военной формой, – заметила Иви. – К тому же, если мы свяжем ярко-красный шарф, солдата на фронте будет видно издалека. Помни о снайперах! Если его застрелят из-за приметного шарфа, это будет твоя вина!

Эти слова явно произвели впечатление на Китти. Она долго молчала, а потом спросила:

– Можно мне тоже вступить в ваш Комитет помощи военным? Я умею вязать… ну, немножко умею. Если мне наберут петли.

Иви неуверенно взглянула на Грейс. Она не знала, какие тут правила. В конце концов, они же не приняли в свой комитет учениц третьего среднего. С другой стороны, чем больше вещей они свяжут для фронта, тем лучше, а значит, лишние руки им не помешают.

Грейс стояла у прилавка и перебирала буклеты со схемами вязания. Иллюстрации на обложках изображали высоких, статных, закутанных в толстые шарфы солдат в странных вязаных шлемах на головах.

– Ты можешь быть нашим почётным членом, – сказала она Китти и быстро добавила, увидев, что та явно собирается возразить: – В почётные члены берут только самых достойных. Он стоит всего два пенса. – Грейс показала Иви большой буклет под названием «Вязание спицами и крючком для фронтовых и госпитальных нужд». – Может, купить? Тут много схем. Есть даже рукавицы для стрелков, смотри. – Она передала буклет Иви, и Китти подошла ближе, чтобы тоже посмотреть.

– Почему именно для стрелков? – удивилась Иви, но, присмотревшись к картинке, всё поняла. Два пальца отдельно: большой, как на самых обычных варежках, которые мама связала к зиме для них с Китти, и указательный тоже, – причём кончики пальцев как бы обрезаны, чтобы солдату было удобнее нажимать на спусковой крючок винтовки. Иви невольно поёжилась при мысли, что связанная ею вещь может оказаться так близко к оружию, из которого убивают – пусть даже врага.

– Это же для лошадок?! – воскликнула Китти, перелистнув несколько страничек. – Можно я буду вязать вальтрап? Ой, тут написано, что его вяжут крючком. Иви, ты меня научишь?

– Я сама не умею. А что такое вальтрап?

– Иви! – Глаза Китти вспыхнули от восторга при мысли, что она знает что-то такое, чего не знает старшая сестра. – Это такое маленькое одеяльце. Его кладут под седло, чтобы лошадке не натирало спину. Я попрошу маму, чтобы она меня научила вязать крючком. И свяжу много-много вальтрапов. Только представь, сколько лошадок будут мне благодарны!

Иви взглянула на Грейс и закатила глаза.

– Да, давай купим. Можно взять одну книжку на всех, а схемы скопировать, – тихо проговорила она, виновато взглянув на продавщицу, которая обслуживала пожилую даму, набравшую целую гору синей пряжи.

– Да, конечно, – кивнула Грейс. – Это для помощи фронту. К тому же для шарфа схемы и не нужны. Это нам на потом, когда мы наловчимся с вязанием.

– Да, мисс? – обернулась к ней продавщица, когда предыдущая покупательница отошла от прилавка.

– Нам, пожалуйста, этот буклет и на семь пенсов вязальной пряжи, – сказала Грейс и добавила с важным видом: – Разумеется, военной расцветки.

Продавщица сложила покупки в бумажный пакет, и Грейс убрала его в ранец, хотя Иви предпочла бы нести пряжу в руках и вообще без пакета, чтобы все видели, что они собираются помогать фронту.

Через полтора месяца, к началу осенних каникул, у них было связано два шарфа, один носок (Доротея никак не могла справиться с пяткой на втором носке и уже дважды его распускала), три пары варежек и несколько вязаных квадратиков из остатков пряжи, которую девочки выпросили у своих мам и бабушек. Из этих квадратиков, когда их наберётся достаточно, можно будет сшить плед наподобие лоскутного одеяла. Китти начала вязать свой вальтрап, но упорно настаивала, чтобы ей разрешили сделать его полосатым и разноцветным, поскольку его всё равно не будет видно под седлом.

«Мамзели» из третьего среднего класса создали свой собственный комитет помощи фронту, который назвали Военно-патриотическим обществом, и тоже занялись вязанием, что, по мнению девочек из третьего начального, было бесстыжим слизыванием их идеи. Впрочем, старшие девчонки смогли «сравнять счёт», раздобыв схему вязания поясов, которые согревают живот, якобы предохраняют от холеры и к тому же очень просто вяжутся. Иви плохо представляла, что такое холера, – знала только, что это какая-то очень серьёзная болезнь, – но слова «противохолерные пояса» звучали очень впечатляюще.

– Я закончу этот кошмарный носок к концу каникул, – пообещала Доротея на перемене перед последним уроком. – К нам в гости приедет бабушка, она очень хорошо вяжет и поможет мне. Я сама до сих пор поражаюсь, как мне удалось связать один носок. Видимо, новичкам везёт.

– А я навяжу ещё квадратиков, – предложила Иви. – Но когда мы сошьём из них плед, то посылка получится очень большой, вам не кажется? Наверное, лучше не отсылать всё по почте, а отнести на приёмный пункт Красного Креста. Можем сходить все вместе.

– И надо написать небольшие записочки и приложить к каждой вещи, – сказала Сибилла. – «Удачи», или «Мы думаем о тебе», или «Пусть тебе будет тепло». Нет, правда. Все так делают, я точно знаю. Я иногда хожу с мамой на её вязальный кружок, и там все пишут записки.

Грейс рассмеялась:

– А наши цацы из третьего среднего пусть приколют на свои глупые пояса бумажки с надписью «Чтобы вы не маялись животом».

Она даже не потрудилась понизить голос, и девчонки из третьего среднего, сидящие на другом конце класса, наверняка её слышали, но лишь выразительно промолчали в ответ.

* * *

– Мисс Иви! – Сара вихрем влетела в игровую комнату. Макс звонко залаял, бросился ей навстречу и попытался ухватить зубами подол её юбки. – Не трогай меня, глупый пёс. Мисс Иви, только что приходил мальчик. Посыльный от мясника. Он сказал, что какой-то корабль наткнулся на Солтвикский риф.

– Прямо на риф?! – Иви вскочила на ноги, а Китти уронила своё вязание и в ужасе уставилась на Сару.

– Да, мисс. Сегодня утром, так мне сказал Джо Баркер. Почти весь город собрался на берегу. Все несут одеяла и чай для спасателей. – Сара накрутила на палец уголок своего передника. – Мой старший брат служит в команде спасателей, мисс Иви.

Иви кивнула. У Сары было четыре брата, все рыбаки.

– Джо говорит, из-за сильного волнения на море они не смогли спустить на воду большую шлюпку. Пришлось взять лодку поменьше, перебросить поверху через волнолом… а это стена высотой восемь футов!.. и тащить посуху к пляжу у Восточных утёсов. Иначе к нему было не подойти.

– А этот корабль… он очень большой? – с беспокойством спросила Иви, гадая, сколько людей может быть на борту.

– Да, мисс. Большой пароход. С каким-то диковинным иностранным названием. Джо говорил, только я не запомнила. Это не просто корабль, а плавучий госпиталь. Он шёл во Францию, вёз медсестёр и врачей. И вот беда: там до берега всего ничего, несколько сотен ярдов, не больше, но море штормит, и к ним никак не подобраться. На маленькой лодке удалось увезти только нескольких человек, четырёх медсестёр и ещё сколько-то там докторов, а все остальные так и сидят на пробитом судне, бедняги.

– А мама дома? – спросила Иви, глядя на дверь. – Надо у неё спросить… Может, нам тоже пойти на берег, отнести одеяла и чай?

– На кухне есть суп, его тоже можно туда передать. Миссис Диксон сразу поставила его греться. Но миссис Мэйтленд сейчас отдыхает, а вы сами знаете, мисс, она не любит, чтобы её беспокоили. Я бы не стала брать одеяла без разрешения.

Иви виновато вздохнула. Теперь, когда они с Китти ходят в школу, где столько всего нового и интересного, они почти позабыли об Алексе. Его железную дорогу до сих пор не убрали из игровой – Иви пришлось переступать через разложенные по полу рельсы, чтобы подойти к Саре, – но и рельсы, и поезда, и деревянные домики у дороги уже успели покрыться толстым слоем пыли. Да, Иви периодически вспоминала об умершем брате, и в эти минуты её сердце сжималось от боли словно в железных тисках, но в вихре новых занятий и впечатлений грустные воспоминания потихоньку отошли на второй план.

А вот мама никак не может справиться с горем. Даже война, с каждым днём становящаяся всё реальней и ближе, не притупила её острой тоски. Она почти не выходит из своей спальни, целыми днями сидит перед маленьким столиком и смотрит на фотографию Алекса, стоящую в рамочке рядом с букетом цветов. Иногда она отвлекается и оживает – как в те два-три дня, когда учила Китти вязать крючком, – но потом вновь погружается в глубокую, безутешную печаль.

– Да… – пробормотала Иви. – Маму лучше не беспокоить. Но я уверена, Сара, она бы сказала, что мы должны помочь людям. Тебе не кажется? – Кусая губы, Иви с тревогой смотрела на Сару. Ей было странно, что мамина горничная пришла

спрашивать у неё, что им делать. Уж Сара-то наверняка должна знать! В конце концов, кто из них взрослый?

– А можно мы тоже пойдём помогать? – спросила Китти с надеждой в голосе. – Я могу нести одеяла или бидончик с супом. – Её глаза заблестели в предвкушении захватывающего приключения. – Иви, нам надо поторопиться. А то пока мы туда доберёмся, уже всех спасут.

– Не спасут, мисс Китти. Они… – начала было Сара, но умолкла на полуслове и посмотрела на Иви. – Их пытаются снять с корабля уже не один час. Но на море волнение, мисс. К ним никак не подобраться, а там всё очень серьёзно. Джо говорил, что корабль почти разломился напополам.

– Китти, может, нам не стоит туда ходить? – Иви взяла сестру за руку. – Там, на скалах, опасно, ты сама знаешь. Вот почему там всегда были бакены с колокольчиками и огнями. Но сейчас их убрали, потому что война.

Китти побледнела и судорожно сглотнула.

– Если там кто-то тонет, то тем более надо помочь спасателям. – Она подняла голову, и по её взгляду Иви поняла, что сестра думает об Алексе и вспоминает, как он лежал на кровати в белой ночной рубашке – а не в его любимой полосатой пижаме, – с руками, сложенными на груди поверх одеяла. – Я не буду бояться, – еле слышно прошептала Китти.

– Сара, ты пойдёшь с нами? – спросила Иви. – Суп уже разогрелся? Кажется, одеяла лежат в бельевом шкафу, на верхней полке. Там должны быть совсем старые. Мама уж точно не будет сердиться, если мы их отдадим на такое хорошее дело.

Сёстры быстро спустились по лестнице в сопровождении обеих собак. Они мчались бегом, но через площадку второго этажа прошли на цыпочках, чтобы не побеспокоить маму.

Миссис Диксон, кухарка, уже налила суп в жестяной бидон с крышкой и теперь вместе с помощницей укладывала в большую корзину белые жестяные кружки и нарезанный хлеб, завёрнутый в тканевую салфетку.

– Это тоже помощь фронту, да, Иви? – спросила Китти, глядя на корзинку.

– Да, конечно.

Из дома они вышли втроём: Китти с корзинкой, Иви с бидоном супа и Сара с охапкой одеял. Брэнди и Макса Иви пришлось закрыть в саду за домом. Собаки решили, что их маленькие хозяйки собираются на пикник, и уже предвкушали весёлую прогулку, и Иви боялась, что если оставить их в доме, они будут лаять и побеспокоят маму.

Сегодня город казался каким-то странным: на улицах было одновременно и людно, и пусто. Все магазины, кажется, пустовали, но повсюду на тротуарах стояли небольшие группы людей, обсуждающих тревожные новости. Иви заметила, что у некоторых прохожих тоже есть корзинки с едой и горячим питьём и что многие люди с одобрением кивают им с Китти, когда видят их ношу.

– Ничего себе волны! Почти штормовые! – воскликнула Иви, когда они вышли на высокий каменистый берег под Восточным утёсом. Море с грохотом билось о скалы, высекая пенные фонтаны брызг. Китти испуганно прижалась к сестре. Мисс Дженнингс и мама всегда водили их на прогулки на пологий песчаный пляж под Западным утёсом, а здесь они почти никогда не бывали, и этот неистовый, грозный скалистый пейзаж и правда внушал страх. Осторожно ступая между камнями, Иви размышляла, не стоит ли вернуться и подняться по лестнице на вершину утёса, откуда всё видно ещё даже лучше, чем снизу. Но как тогда передать одеяла и суп спасателям? Другого спуска там нет. Впрочем, на примыкающем к скалам узеньком галечном пляже оказалось довольно много народу, так что, наверное, там вполне безопасно.

Сара переложила свёрток с одеялами под мышку и взяла Китти за руку.

– Осторожнее, мисс, – предупредила она Иви. – Тут легко оступиться и подвернуть ногу. О боже!

– Сара! – взвизгнула Китти. В её возгласе ужас смешался с восторгом, как это бывает, когда тебе страшно, но всё равно интересно. Но она тут же притихла и только едва слышно ахнула.

Иви, которая всё это время сосредоточенно смотрела себе под ноги, остановилась, подняла голову и поражённо застыла, глядя на налетевший на риф корабль, окутанный густой пеленой брызг. Словно поднявшийся из бушующих морских волн, он опасно кренился набок, и Иви даже смогла разглядеть крошечные фигурки людей, столпившихся на его палубе.

– Он так близко к берегу! – Она вцепилась Саре в руку. – Почему до сих пор не забрали людей? Неужели до них не добраться в спасательной шлюпке?!

– Они пытаются, мисс, – сказал какой-то мужчина, поднимающийся по каменистой тропе им навстречу. – Только что сняли с борта ещё восемнадцать человек. Но в шлюпке пробоина, даже две. Тащили её по камням, вот дно и пробило. Любая течь – штука опасная, а при таких волнах и вовсе беда.

– Вы не видали моего брата? – с беспокойством спросила Сара. – Его звать Ричард Эглон. Он рулевой на спасательной шлюпке. С ним всё хорошо?

Иви заметила, что в разговоре с рыбаком йоркширский акцент Сары проявлялся гораздо сильнее. Видимо, дома она следила за своей речью, а теперь от волнения забыла.

– Все спасатели целы и невредимы, не переживайте. Но лучше вам не спускаться на берег, мисс. Тем более с этими юными барышнями. Начинается прилив, там сейчас небезопасно. Все уже возвращаются. Пришлось бросить шлюпку на пляже. Прилив слишком высокий, на воду её не спустишь, даже если бы не было пробоин. При таких сильных волнах её сразу бросит на скалы.

Иви присмотрелась к нему повнимательнее и поняла, что он весь насквозь мокрый и его толстый вязаный свитер потемнел от воды.

– Ой! Вы тоже спасатель?

Он покачал головой:

– Нет, мисс. Но я помогал спускать шлюпку на воду.

– Хотите горячего супа? Вы, наверное, замёрзли. – Иви приподняла бидон, и мужчина с жаром закивал. Китти выдала ему кружку, и он протянул её Иви, чтобы она налила ему супа:

– Спасибо, мисс. Вы отнесёте его наверх? Там на утёсе волонтёрский пункт. А мы пока ждём отлива. Говорят, скоро должны привезти ещё одну шлюпку со спасательной станции в Апгене. Никто не бросит людей в беде, даже не сомневайтесь.

Иви кивнула:

– Конечно, мы всё отнесём.

Она порадовалась про себя, что им не придётся спускаться на скалистый пляж под ударами разбушевавшихся волн. Ей было стыдно за своё малодушие – но, с другой стороны, если даже рыбак, помогавший спускать на воду спасательную шлюпку, считает, что на берегу небезопасно, значит, если они повернут назад, это уж точно не будет считаться трусостью.

– А нам обязательно подниматься по лестнице? – прошептала Китти.

– А ты прямо такая неженка, что не сможешь подняться? – нахмурилась Иви. – Подумай о тех бедных людях на корабле!

– Ничего я не неженка! Просто я подумала… может, есть другая дорога наверх? – Китти тяжело вздохнула.

– Ты сама знаешь, что нет. И подъём не такой уж и долгий.

– Ещё какой долгий, – пробормотала Китти. – Сто девяносто девять ступенек!

Карабкаясь по крутой каменной лестнице с тяжёлым бидоном, Иви не раз пожалела, что была так строга с младшей сестрёнкой. После того как она уверяла Китти, что подняться по лестнице – это раз плюнуть, она не могла даже остановиться, чтобы перевести дух. Это было бы непедагогично. И только когда они поднялись к церкви Святой Марии, она поняла, что не бывала здесь со дня похорон Алекса и сейчас им придётся пройти через кладбище, как раз мимо его

могилы. Надгробный камень ещё не поставили, но они с Китти знали, где находится могила брата.

– Вот бы Алекс обрадовался, – прошептала Иви, глядя на участок разрытой земли, ещё не заросший свежей травой. – Не тому, что люди в беде, а тому, что увидел бы настоящее кораблекрушение.

– Ничего бы он не увидел, – заметила Китти. – Мисс Дженнингс нас бы сюда не пустила.

Сара, стоящая у них за спиной, пробормотала:

– Вот, кстати, да. Пожалуй, нам лучше вернуться домой. Здесь уж точно не место для юных барышень.

– Это почему же? – Иви сердито обернулась к ней. – Очень даже место! Все что-то делают, Сара. Все помогают как могут. Сестра моей школьной подруги уехала в Лондон и заботится о беженцах. Дэвид хочет пойти на войну. Фрэнк Армстронг из папиной фирмы уже вступил в армию, а он только недавно окончил школу. А мы всего лишь принесли суп. И нам даже не надо спускаться к морю. Мы здесь, наверху, где вообще не опасно.

Сара как будто смутилась. Хотя, может, и не смутилась, а раскраснелась после крутого подъёма.

– Но мисс Китти права, – пробормотала она. – Мисс Дженнингс вас бы сюда не пустила.

– Я думаю, что мисс Дженнингс и сама делает что-то для фронта, – сказала Китти. – Она не останется в стороне. Она всегда нас учила, что долг превыше всего. Постоянно об этом твердила. Особенно если мы с Иви шептались в церкви во время проповеди. Я думаю, Сара, она бы нами гордилась.

– Ну, раз так, то пойдёмте. – Сара вздохнула и склонила голову перед могилой, словно не знала, что ещё делать и что говорить.

Отсюда, с вершины утёса, вид на разбитый корабль был даже страшнее, чем со спуска на пляж. Именно издали стало видно, в каком он жутком состоянии. Такой огромный, так близко к берегу… и так отчаянно недоступный. По сравнению с ним спасательная шлюпка, уже почти в щепки разбитая о скалы, казалась крошечной, словно игрушечной. Толпы людей наблюдали за происходящим с утёсов. Все напряжённо молчали, а если и говорили, то только тревожным шёпотом. Каждый из жителей Уитби был так или иначе связан с морем, у каждого были знакомые, работающие в порту или на рыболовном судне. Для них это было не просто зрелище – это было событие, которое может затронуть любого.

– Что они будут делать? – шёпотом спросила Иви, с тревогой глядя на Сару. На неё было страшно смотреть: на щеках алые пятна, а сама ужасно бледная. Там, внизу, билась о скалы, раскалываясь на куски, лодка её родного брата.

– Не знаю, мисс. Просто не знаю. Что они могут сделать? Вы посмотрите, как штормит! Вторая шлюпка не выйдет из гавани, пока не улягутся волны. А когда это будет, бог весть. И даже если придёт ещё шлюпка из Апгена… Толку-то от неё мало. Ей тоже не подойти к кораблю. Господи боже, бедные, бедные люди… за что им такая напасть…

Море и вправду штормило. Налетевший на прибрежные рифы корабль раскололся на части, и теперь эти части потихоньку отламывались и тонули. Крошечные фигурки терпящих бедствие в основном скучились на центральной палубе, но и на корме были люди. И, кажется, их стало меньше, чем когда Иви, Китти и Сара пытались спуститься на берег. Куда они подевались? Неужели спрыгнули в воду?!

– Волна! – ахнула Китти. – Иви, волна идёт прямо на них!

По толпе зрителей пронёсся глухой стон, когда огромная яростная волна, поднявшись над кораблём до небес, обрушилась на отколовшуюся корму…

Когда волна прошла, кормы уже не было – она опрокинулась и ушла под воду вместе с людьми, не успевшими перебраться на главную палубу. Кто-то из зрителей зарыдал в голос, и Иви почувствовала, как рука Сары, лежащая у неё на плече, судорожно сжалась.

– Зря я вас привела, – прошептала Сара. – Не надо было сюда приходить.

– А как же люди?! – растерянно пробормотала Китти, уткнувшись лицом в её пальто. – Что с ними будет?

– Их смыло волной, – потрясённо проговорила Иви. – Но может быть… Может, у них были спасательные жилеты. Значит, они не утонут. И прилив вынесет их на берег.

Все трое горестно уставились на чёрные камни внизу и на бурную, пенящуюся, словно кипящую, воду, бьющуюся о скалы. Людей, смытых волной, вынесет прямо сюда. И вряд ли кто-то из них уцелеет.

Чуть ниже по склону утёса поднялась какая-то странная суета, и кто-то крикнул:

– Расступитесь! Ей нечем дышать!

– Кто-то упал в обморок, – доложила Китти, высунувшись вперёд. Сара испуганно вскрикнула и оттащила её от края узкой площадки. – Какая-то тётенька. Может, дадим ей одеяло?

– Вы принесли одеяла, мисс? – спросил молодой человек, проходивший мимо по каменистой тропинке у них за спиной. – Давайте я их возьму. Я волонтёр из бригады скорой помощи Святого Иоанна.

Сара отдала ему одеяла, а Китти взмахнула корзинкой с кружками:

– Мы принесли и горячего супа. Вы их спасёте? Тех, кого смыло волной?

– Мы будем стараться. Один из матросов добрался вплавь до волнолома, но это было совсем рано утром, ещё до начала прилива. – Он угрюмо взглянул на море. – Мы с благодарностью примем суп для спасателей, мисс. Джек, подойди на минутку, – окликнул он мальчика примерно одних лет с Дэвидом, поднимающегося по тропинке. Когда тот подошёл, Иви увидела на его нарукавной повязке красный крест. – Возьми бидон и корзинку и отнеси вниз. Это суп для спасателей. Посуду мы вам вернём, мисс. – Он достал из кармана блокнот и карандаш и вручил Саре, но та сразу же передала их Иви. – Напишите

ваш адрес, и мы вложим листочек в корзинку.

Иви кивнула и написала свой адрес. Волонтёр скорой помощи вырвал листок из блокнота и положил его под салфетку в корзине. После чего, приподняв шляпу, сразу откланялся и поспешил прочь.

– Наверное, можно идти домой, – пробормотала Иви. – Больше мы тут ничем не поможем.

Но уйти было сложно. Иви казалось, что просто взять и уйти означало бы бросить на произвол судьбы эти крошечные фигурки на палубе тонущего корабля, оставить их без поддержки. Как и все жители Уитби, собравшиеся на утёсе, Иви искренне переживала за терпящих бедствие, болела за них всей душой и всем сердцем надеялась, что им удастся спастись.

– Да, мисс, пойдёмте домой, – горячо закивала Сара. – Уже почти полдень, ваша мама наверняка вас хватилась. И мне ещё нужно накрыть стол к обеду.

– Я бы лучше осталась, – сказала Иви. – Не хочу уходить и… бросать их в беде. – Она обернулась к разбитому кораблю.

– Ты можешь сказать маме, что мы с Иви гуляем с друзьями из школы, – предложила Китти. – Кажется, я вижу мальчика из нашего класса. – Она указала куда-то вбок. – Так что это почти правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vebb_holli/bor-ba-ivi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити